

А. Ю. Борисенко¹, Ю. С. Худяков^{1,2}

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

aborisenko2@mail.ru, khudjakov@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЯ ОРУЖИЯ И ЗНАМЕН ТОХАРСКИХ ВОИНОВ НА ФРЕСКАХ КАРАШАРА, КЫЗЫЛА И ШОРЧУКА (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛЬБЕРТА ФОН ЛЕ КОКА) *

В последние годы научное наследие европейских ученых, исследовавших в конце XIX – начале XX в. древние и традиционные культуры разных народов, населявших Восточный Туркестан, активно изучается российскими востоковедами и археологами. Важное место занимают научные труды немецких археологов, в том числе Альберта фон Ле Кока. В статье анализируются изображения воинов на фресках из нескольких археологических памятников, обнаруженных на территории Синьцзяна в начале XX в. А. фон Ле Коком. В составе германских научных экспедиций он в течение ряда лет описывал древние и средневековые объекты и опубликовал несколько книг по археологии Восточного Туркестана. По его мнению, на настенных росписях памятников Карашар, Кызыл и Шорчук изображены тохарские воины. Они одеты в сферические шлемы и длинные панцири, похожие на доспехи иранских воинов, использовавшиеся в раннем Средневековье, в период правления в Персии династии Сасанидов. Воин на фреске из Кызыла изображен в шлеме с крыльями, на древке копья показано навершие в виде головы дракона. По мнению А. фон Ле Кока, подобные экземпляры были характерны для воинов Парфии. В руке у всадника из Карашара изображено знамя с полотнищем полукруглой формы и двумя треугольными окончаниями. Тохарский всадник на настенной росписи из памятника Шорчук воспроизведен со щитом овальной формы, к поясу подвешены меч в ножнах, лук в налучье и колчан. Благодаря этим настенным росписям исследователи обладают информативными иллюстративными источниками для реконструкции комплекса вооружения тохарских воинов Восточного Туркестана периода раннего Средневековья.

Ключевые слова: Восточный Туркестан, раннее Средневековье, изображения воинов, панцири, шлемы, щиты, знамена.

Во второй половине XIX – первые десятилетия XX в. поисками и раскопками разновременных археологических памятников на территории Синьцзяна занимались ученые и путешественники из разных стран Европы, Америки и Восточной Азии: России,

Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Швеции, США и Японии.

Среди европейских ученых, исследовавших древности Восточного Туркестана в начале XX в., существенный вклад в изучение древних и средневековых памятников

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Изображения тохарских воинов на фресках Синьцзяна:
 1 – фреска из Карашара; 2 – фреска из Кызыла; 3 – фреска из Шорчука
 (по А. фон Ле Коку: [Le Coq A., 1928. Abb. 29–31])

этого региона внесли немецкие ученые-археологи, работавшие в составе экспедиций Берлинского музея народоведения и Этнографического общества. Они начали анализировать синьцзянские древности в 1901–1903 гг. [Восточный Туркестан, 1988. С. 19–28; Восточный Туркестан, 1995. С. 359–430; Кляшторный и др., 1991. С. 125–129; Худяков, Комиссаров, 2002. С. 15–23; Попова, 2008. С. 37]. Результаты этих научных изысканий нашли отражение в трудах Г. Хута и А. Грюнведеля [Hüth, 1901. S. 150–157; Grünwedel, 1912]. В дальнейшем всесторонним анализом древних и средневековых памятников занимался сотрудник Берлинского музея Альберт фон Ле Кок. Он

возглавлял научные экспедиции Прусской королевской академии и Берлинского музея в 1904–1906 гг., в 1905 и 1906 гг. участвовал в научных экспедициях совместно с А. Грюнведелем, в 1913 и 1914 гг. продолжил работать во главе экспедиции в Восточном Туркестане. В ходе исследований проводились раскопки многих археологических комплексов, собраны разнообразные вещественные, изобразительные и этнографические материалы, изучены памятники письменности, относящиеся к культурам разных древних и средневековых этносов Синьцзяна. Результаты работ были опубликованы в нескольких монографиях и научно-популярных книгах [Le Coq, 1916; 1925; 1928]. Несмотря

на то что изображения воинов с оружием на фресках из Восточного Туркестана неоднократно становились объектами исследования, далеко не все рисунки привлекли внимание современных ученых. В обобщающем научном очерке о вооружении народов Восточного Туркестана в древности и раннем Средневековье, подготовленном М. В. Гореликом, для анализа были использованы некоторые схематичные прорисовки предметов вооружения, в том числе шлемов с фресок из Кызыла и Шорчука, скопированных в начале XX в. немецкими исследователями [Восточный Туркестан, 1995. Табл. 54, 5, 9].

В составе изученных А. Фон Ле Коком настенных росписей, имеются рисунки средневековых воинов на расписных фресках из нескольких местонахождений Восточного Туркестана, которые он отнес к европеоидному тохарскому населению раннего Средневековья [Le Coq, 1928. S. 169, 171]. Среди них самостоятельным объектом для оружейведческого анализа могут быть фигуры воинов с оружием и в доспехах на памятниках Карачара (Карашара), Кызыла и Шорчука (см. рисунок).

На фрагменте фрески из памятника в окрестностях Карачара показана фигура всадника верхом на коне (рисунок сохранился не полностью – от лошади осталась только коротко остриженная грива, шея и круп; седло имеет вертикальную дуговидную заднюю луку) [Ibid. Abb. 29]. У человека овальные очертания лица, тонкие брови, узкие глаза, прямой нос, неширокие усы и маленький рот. На голове показан шлем со сферическим куполом, в составе которого имеется несколько пластин, окаймленных вокруг нижнего края узкой полоской – обручем. По боковым сторонам и затылочной части от шлема находится бармица. Всадник изображен в защитном доспехе, отмеченном горизонтальными полосами, которые, скорее всего, представляют собой ряды, составленные из металлических панцирных пластин. На обеих руках, от кистей до локтей, имеются наручи. К поясу на узком ремешке подвешено длинное клинковое оружие без перекрестия, с округлым навершием. Левая рука согнута в локте, видимо, она держит поводья. В правой, также согнутой в локте, мужчина держит в вертикальном положении древко знамени. Полотнище знамени полукруглое с узкой дуговидной полосой на по-

лотнице и двумя косицами на верхнем и нижнем окончаниях [Ibid. Abb. 29] (см. рисунок, 1).

На фреске из местонахождения в окрестностях Кызыла имеется рисунок воина в «крылатом» шлеме, с округлым щитом и «драконовидным вымпелом» [Ibid. Abb. 30]. Согласно имеющемуся уточнению в работе М. В. Горелика, этот рисунок происходит из памятника «Пещера с голубями» [Восточный Туркестан, 1995. Табл. 54, 5]. Подчеркнута европеоидная внешность изображенного человека, в том числе вытянутое лицо с овальным подбородком, узкими бровями, заостренным носом, узкими характерными подстриженными усами и маленьким ртом. На голове изображен шлем со сферическим куполом, состоящим из четырех горизонтальных полос, одна из которых заполнена небольшими кружками. Он увенчан цилиндрическим навершием с расширением в верхней части и сферическим окончанием с кольцевой петлей. С обеих сторон купола шлема нарисованы вертикально укрепленные фигурные крылья, по его боковым сторонам – расширенные к нижней части детали бармицы. Ниже головы мужчины расположен небольшой фрагмент, который, скорее всего, должен относиться к его кольчатому доспеху. За головой показан округлый щит с широким ободком по краю. Выше щита находится копьё с удлинённо-ромбическим наконечником. К нему прикреплено «драконовидное» навершие с цилиндрическим, расширенным к нижней части, раструбом и треугольными клиновидными окончаниями (см. рисунок, 2).

Данное навершие напоминает прорисовку воздушного змея. Близкие по конструктивным особенностям экземпляры боевых наверший были характерны для кангюйских воинов в Средней Азии и сарматских всадников в Восточной Европе. Похожее навершие выгравировано у одного из всадников на поясной костяной пластине из Орлатского могильника, исследованного в Узбекистане. Они определены в качестве воинов государства Кангюй [Пугаченкова, 1989. С. 150].

На фреске из местонахождения Шорчук имеется рисунок вооруженного и облаченного в защитный доспех человека, сидящего верхом на коне [Le Coq, 1928. Abb. 31]. По уточнению М. В. Горелика, рисунок был обнаружен на памятнике «Пещера осады горо-

да» [Восточный Туркестан, 1995. Табл. 54, 9]. У изображенного воина неширокое лицо с дуговидными, соединенными над переносицей, бровями, узкие глаза, прямой нос, маленький рот, небольшие усы и борода, подчеркнута европеоидная внешность. Правая рука согнута в локтевом суставе, ладонь поднесена к груди. Большой и указательный пальцы правой руки вытянуты вверх, остальные согнуты. Возможно, человек держит руку в определенной, охранительной позе, пытаясь символически предотвратить негативное воздействие на себя извне.левой рукой он удерживает поводья конской узды. На голове шлем со сферическим куполом, составленным из нескольких частей, соединенных накладными полосками. Верхняя часть шлема увенчана небольшим навершием, по нижнему краю он окаймлен широким обручем и снабжен бармицей, закрывающей заднюю часть головы и шею. Мужчина одет в длиннополое защитное одеяние, разделенное на горизонтальные полосы, которые, вероятно, состоят из панцирных пластин. Руки от запястий до локтей прикрыты наручами. На ногах плотно облегающая ступни обувь. На поясице узкой полоской показан пояс с округлой бляхой, к нему с левой стороны подвешено оружие. В составе оружейного комплекса находится меч с крестообразным перекрестием, короткой рукоятью и прямым клинком, вложенным в ножны с овальным наконечником. Поверх меча к поясу прикреплен лук, помещенный в налучье – узкий, плавно изогнутый чехол. Над верхним окончанием налучья возвышается один конец лука с натянутой на него тетивой. Поверх налучья к поясу прикреплен колчан с расширенной верхней частью и приемником, постепенно сужающимся к днищу. За спиной у всадника на ремешке находится щит овальной формы, окаймленный по краю двойным обручем. Всадник сидит на широком чепраке округлой формы с выделенной полосой по краю. Чепрак укреплен на теле лошади длинными, узкими ремешками. Лошадь изображена с крупной головой, на которую надета узда с тонкими ремешками и изогнутыми псалиями. У коня выделена короткая, дугообразно изогнутая шея с коротко остриженной гривой, широкие грудь и круп, прямо стоящие ноги и короткий, вероятно, специально остриженный хвост (см. рисунок, 3).

Свои соображения о развитии оружия и защитных доспехов у тохаров Синьцзяна А. фон Ле Кок изложил в ряде опубликованных им научных трудов. По его мнению, как одежда, так и вооружение древних жителей Восточного Туркестана, носили, преимущественно, отчетливо выраженный «иранский характер» [Le Coq, 1925. S. 11]. Среди защитных доспехов на фресках Восточного Туркестана он выделил «пластинчатый панцирь», который, по его представлениям, должен был включать доспех из удлиненной защитной брони, составленной из железных панцирных пластинок, нанизанных на ремешки. В то же время в одной из своих научных работ он утверждал, что, состоявшее из защитных чешуек или пластинок панцирное защитное покрытие предназначалось для защиты верхней части тела воина, тогда как ноги должны были защищать кольчужные или пластинчатые панцирные штаны и поножи [Ibid.]. Наряду с подобными комбинированными средствами индивидуальной металлической защиты у некоторых воинов на фресках Восточного Туркестана исследователь отмечал «сияющие» или «лубочные» панцири, защитные покрытия которых состоят из больших и широких панцирных пластин, украшенных гравированными рисунками Будды и других персонажей буддийского пантеона, названных им «святыми». Ученый выразил удивление по поводу того, что защитное покрытие, состоящее из «сплетенных колец», как это ни странно, не встречается на синьцзянских фресках в качестве «защиты тела», а использовано только «в качестве защиты ног, а также рук». А. фон Ле Кок усмотрел «поразительное сходство» между пластинчатой панцирной броней тохарских воинов, изображенных на фресках Восточного Туркестана, с «длинной защитной одеждой ассирийцев». По его мнению, панцирь с прямоугольными пластинами носил воин, который нарисован на фреске в Шорчуке. По предложенной им исторической интерпретации, иранские и тохарские племена из Центральной Азии заселили долины Юлдуза и Кайду [Ibid. S. 11]. Однако, согласно современной терминологии защитного вооружения, принятой в российском оружейноведении, панцирь, который А. фон Ле Кок назвал «пластинчатым», точнее именовать «ламеллярным» [Горелик, 1993. С. 134].

В упомянутой ранее работе М. В. Горелика отмечено, что у воина, фигура которого изображена на фреске из «Пещеры осады города» в Шорчуке, показан «наруч-налокотник» [Восточный Туркестан, 1995. Табл. 53, 10].

На основании тщательного анализа настенных росписей в Восточном Туркестане А. фон Ле Кок предложил выделить разные типы шлемов и отметил сходство некоторых из них с ассирийскими и иранскими боевыми наголовьями периода правления в Персии династии Сасанидов [Le Coq, 1925. S. 13]. По его заключению, среди боевых наголовий, воспроизведенных у воинов на настенных росписях из Восточного Туркестана, присутствуют «сасанидские крылатые шлемы». В своей более «простой форме» они появляются на фресках, которые были обследованы в пределах лежащего далее на востоке оазиса Карачар-Курла [Le Coq, 1928. S. 170–171]. Согласно оценке М. В. Горелика, данные о шлемах воинов Восточного Туркестана благодаря большому количеству изобразительных источников появляются с раннего Средневековья. Одним из выделенных им типов является «полусферическое оголовье, переходящее к сфероконическому или узкому цилиндрическому навершию». Среди них очень «редко можно предполагать цельнокованные оголовья». Гораздо чаще (или почти всегда) на фресках показаны шлемы, купол которых склепан «из отдельных секторов, иногда перекрывая места стыков узкими, нередко фигурно вырезанными полосами металла» [Восточный Туркестан, 1995. С. 422–423]. В качестве одной из иллюстраций шлема со сферическим куполом он привел прорисовку боевого наголовья воина из Шорчука [Там же. Табл. 54, 9].

Достаточно кратко А. фон Ле Коком были охарактеризованы щиты на фресках из Восточного Туркестана. Исследователь отметил, что некоторые из них имеют округлую форму. Однако, по его предположению, воины ими «не пользуются», поскольку щиты нарисованы у них, как правило, за спиной [Le Coq, 1925. S. 14]. С таким предположением трудно согласиться. Было бы точнее определить, что тохарские воины носят щиты за спиной в походном положении, пристегнутыми ремнями. В случае необходимости они могут привести его в боевое положение, надев щит на левую или правую руку.

А. фон Ле Коком описано и длинноклинковое оружие тохарских воинов Восточного Туркестана. Это мечи «со слишком длинным, но тонким, для использования двумя руками клинком с крестообразно устроенной рукоятью и грибовидным навершием» [Ibid. S. 15]. Такой меч, вложенный в ножны и подвешенный к поясу с левого бока, нарисован у конного воина из Шорчука [Le Coq, 1928. Abb. 31].

А. фон Ле Кок указал, что налучье у тохарских воинов состоит из «длинного узкого футляра, изготовленного из шкуры тигра (пантеры), по форме линии распрявленного лука» [Le Coq, 1925. S. 21].

По мнению М. В. Горелика, основным типом налучья «в раннесредневековом Восточном Туркестане, как и в степях Евразии, Средней Азии и Китае, был длинный узкий чехол из кожи или шкуры, в котором хранился лук со спущенной тетивой». Он употреблялся в течение III–IV вв., а в дальнейшем с VIII–IX вв. луки помещали в налучья с надетой тетивой. Однако в качестве одной из иллюстраций к этому утверждению им приводятся сразу два налучья, в одном из которых имеется лук с надетой тетивой [Восточный Туркестан, 1995. С. 380; Табл. 46, 15]. На наш взгляд, в этом случае воспроизведен лук в налучье, как и у воина из Шорчука [Le Coq, 1928. Abb. 31].

В отличие от налучья колчаны тохарских воинов представляют собой футляры для стрел, расширенные книзу и выпуклые в верхней части [Le Coq, 1925. S. 21]. Такие колчаны с карманом, действительно, изображены у некоторых конных и пеших воинов на фресках Восточного Туркестана [Ibid. Fig. 33, 95, 96]. Однако на фреске из Шорчука нарисован колчан несколько иной формы – с расширенным верхом, сужающийся к нижней части и днищу [Le Coq, 1928. Abb. 31].

Внимание А. фон Ле Кока привлекли также необычные знамена тохарских воинов. По его мнению, со знаменами, похожими на драконовидное навершие из Кызыла, римляне могли познакомиться в ходе военных действий против парфян. О форме флага, показанного на одном рисунке в виде полукруглого сегмента с двумя выпелами, он высказался как о «странной» форме для знамени [Ibid. S. 174]. Однако, как было отмечено, близкие по форме драконовидные навершия были присущи не только парфян-

ским воинам. Судя по упомянутой выше композиции, выгравированной на поясной пластине из Орлатского могильника, они применялись кангюйскими воинами [Пугаченкова, 1989. С. 150]. В евразийских степях драконовидные навершия были типичны для сарматов. По имеющимся сведениям китайских источников, в раннем Средневековье схожие навершия, но не с драконьей, а с «золотой волчьей головой» и бунчуками, использовали древние тюрки [Бичурин, 1998. С. 229]. Знамена, флаги и вымпелы с двумя косицами, которые показались А. фон Ле Коку «странными», широко использовались тюркскими народами Центральной Азии в Средние века. Знамена с прямоугольными полотнищами и тремя косицами были характерны для курыкан Прибайкалья [Окладников, 1951. С. 148–149]. Знамена и вымпелы с двумя косицами использовались енисейскими кыргызами [Бичурин, 1998. С. 352].

Таким образом, скопированные и проанализированные А. фон Ле Коком изображения тохарских воинов на настенных росписях Карачара, Кызыла и Шорчука, являются важным источником по истории военного дела народов Синьцзяна на рубеже хунно-сяньбийской и древнетюркской исторических эпох. Они свидетельствуют об определенном своеобразии наступательного и защитного вооружения тохарских воинов.

Список литературы

Бичурин Н. Я. [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: ТОО «Жалын баспасы», 1998. Ч. 1. 390 с.

Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Очерки истории / Отв. ред. С. Л. Тихвинский, Б. А. Литвинский. М.: Вост. лит., 1988. 449 с.

Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Хозяйство, материальная культура / Отв. ред. Б. А. Литвинский. М.: Вост. лит., 1995. 523 с.

Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Наука, 1993. 349 с.

Кляшторный С. Г., Колесников А. А., Басханов М. К. Восточный Туркестан глазами

европейских путешественников. Алматы: Гылым, 1991. 184 с.

Окладников А. П. Конь и знамя на ленских писаницах // Тюркологический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 1. С. 143–154.

Попова И. Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. СПб.: Славия, 2008. С. 11–39.

Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Изд-во «Фан», 1989. 204 с.

Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 156 с.

Grünwedel A. Altbuddistischen Kultstätten in Ostturkistan. Berichte über archäologische Arbeiten von 1906–1907 bei Juca, Quarasar und Oase Turfan. Berlin: D. Reimer, E. Vonsen, 1912. 370 S.

Hüth G. Die neue archäologische Entdeckungen in Ostturkistan // Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Berlin: Verlag von A. Ascher und Co., 1901. S. 150–157.

Le Coq A. Volkskundliches aus Ostturkistan. Berlin: D. Reimer, E. Vonsen, 1916. 72 S.

Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin: D. Reimer, E. Vonsen, 1925. 107 S.

Le Coq A. Von Land und Leuten in Ostturkistan. Leipzig: J. C. Heinrichs, 1928. 183 S.

A. Yu. Borisenko¹, **Yu. S. Khudyakov**^{1,2}

¹Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

aborisenko2@mail.ru, khudjakov@mail.ru

IMAGES OF WEAPONRY AND BANNERS OF THE TOCHARIAN WARRIORS ON FRESCOS OF KARASHAR, KYZYL AND SHORCHUK (BASED ON MATERIALS OF ALBERT VON LE COQ)

Purpose. We examined images of warriors depicted on frescoes from several archaeological sites explored on the territory of Xinjiang at the beginning of the 20th century by the German archaeologist Albert von Le Coq. He studied the ancient and medieval objects as part of German scientific expeditions during several years and published a series of books on the archaeology of Eastern Turkistan.

Results. Tocharian warriors are depicted on murals at the sites of Karashar, Kyzyl and Shorchuk, that were studied by Albert von Le Coq. In accordance with the results of his exploring, the warriors represented on frescoes of Karashar and Shorchuk are dressed in spherical helmets and long armour similar to the armour of the Iranian warriors in the Early Middle Ages, in particular, during the period of Sassanid Dynasty in Persia. The warrior represented on the fresco from Kyzyl is shown wearing a helmet with wings. The German explorer described in detail the helmets, armour and shields, as well as the banners of the Tocharian warriors. The top of the spear hold by the warrior from Kyzyl is in the form of the head of a dragon. Such tops were characteristic for the warriors of Parthia in accordance with A. von Le Coq. The horseman from Karashar is shown with a semicircular banner in his hand with two triangular closes. The pictures of the Tocharian warriors studied by the scientist were described by him in several books devoted to the analysis of the results of the German scientific expeditions in Eastern Turkistan at the beginning of the 20th century.

Conclusion. During the last years, the scientific heritage of the European scientists who explored the ancient and traditional cultures of different people inhabiting Eastern Turkistan in the periods of ancient and medieval history at the end of the 19th – beginning of the 20th century has been actively studied by Russian orientologists and archaeologists. A significant place in this heritage belongs to scientific works of German archaeologists, including A. von Le Coq. He described the details observed on the frescos studied with great accuracy. For example, the Tocharian horseman on the mural from the site Shorchuk is represented with an oval shield on his belt behind his back. He has a sword in sheath, a quiver and a bow bag hung on the belt. The warrior is in the saddle, astride his militant horse. The horse is depicted with its mane and tail cut short, wearing bridle and belts that tie the saddle. Descriptions of these images provide explorers with very informative graphic sources for reconstructing the armament complex of the Tocharian warriors of Eastern Turkestan during the Early Middle Ages.

Keywords: Eastern Turkistan, Early Middle Ages, images of warriors, armour, helmets, shields, banners.

References

Bichurin N. Ya. [Iakinf] *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of Data on the People Living in Central Asia in Ancient Times]. Almaty, «Zhalyn baspasy» Publ., 1998, part 1, 390 p. (in Russ.)

Gorelik M. V. *Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV vek do n. e.)* [Weapon of the Ancient East (4th millennium – 4th century B. C.)]. Moscow, Nauka, 1993, 349 p. (in Russ.)

Grünwedel A. *Altbuddistischen Kultstätten in Ost-Turkistan. Berichte über archäologische Arbeiten von 1906–1907 bei Kca, Quarashar und Oase Turfan* [The Ancient Buddhist Location in Eastern Turkistan: Reports about the Archaeological Work in the 1906–1907 in Kucha, Karashar and oasis of Turfan]. Berlin, D. Reimer, E. Vonsen Publ., 1912, 370 S. (in Germ.)

Hüth G. Die neue archäologische Entdeckungen in Ostturkistan [The Newest Archaeological discoveries in Eastern Turkistan]. *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte* [The Transactions of the Berlin Society of Anthropology, Ethnology and Prehistory]. Berlin, Verlag von A. Ascher und Co. Publ., 1901, S. 150–157. (in Germ.)

Khudyakov Yu. S., Komissarov S. A. *Koshevaya tsivilizatsiya Vostoshnogo Turkestana: usheb. posobie* [The nomadic civilization of Eastern Turkistan: Tutorial]. Novosibirsk, NSU Publ., 2002, 156 p. (in Russ.)

Klyashornyi S. G., Kolesnikov A. A., Bashanov M. K. *Vostochnyi Turkestan glazami evropeiskikh puteshestvennikov* [Eastern Turkistan through the Eyes of the European Travellers]. Almaty, Gylm Publ., 1991, 184 p. (in Russ.)

Le Coq A. *Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel Asiens* [The Atlas of Images for the Art and Cultural History of Central Asia]. Berlin, D. Reimer, E. Vonsen Publ., 1925, 127 S. (in Germ.)

Le Coq A. *Volkskundliches aus Ost-Turkistan* [The Ethnology of Eastern Turkistan]. Berlin, D. Reimer, E. Vonsen Publ., 1916, 72 S. (in Germ.)

Le Coq A. *Von Land und Leuten in Ostturkistan* [The Country and the People in Eastern Turkistan]. Leipzig, J. C. Hinrichs Publ., 1928, 183 S. (in Germ.)

Okladnikov A. P. Kon' i znanya na lenskikh pisanitsakh [Steed and Standart on Petroglyphs of the Lena River Basin]. *Turkologicheskii sbornik* [Turkological miscellany]. Moscow, Leningrad, AS of the USSR Publ., 1951, iss. 1, p. 143–154. (in Russ.)

Popova I. F. Rossiiskie ekspeditsii v Tsentral'nyu Aziyu na rubezhe XIX – XX vekov [The Russian expeditions to Central Asia at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *Rossiiskie ekspeditsii v Tsentral'nyu Aziyu v kontse XIX – nashale XX veka* [The Russian expeditions to Central Asia at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. St. Petersburg, Slaviya Publ., 2008, p. 11–39. (in Russ.)

Pugachenkova G. A. *Drevnosti Miankalya. Iz rabot Uzbekistanskoi iskusstvovedcheskoi ekspeditsii* [Antiquities of Miankal. From the works of the Uzbek art criticism expedition]. Tashkent, Fan Publ., 1989, 204 p. (in Russ.)

Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem Srednevekov'e. Khozyaistvo, material'naya kul'tura [Eastern Turkistan in Antiquity and Early Middle Ages]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 523 p. (in Russ.)

Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem Srednevekov'e. Ocherki istorii [Eastern Turkistan in Antiquity and Early Middle Ages. Studies of History]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1988, 449 p. (in Russ.)